

Нижегородские вотчины Амвросиева Дудина монастыря в начале XVIII в. (землевладение, хозяйство, крестьяне, сельская община)

Аннотация: В статье проанализированы итоги развития землевладения и хозяйства одного из древнейших нижегородских монастырей, зафиксированные в ходе описания 1701–1702 гг., произведенного стольником П. Б. Вельяминовым в рамках общероссийской переписи церковных имений в связи с передачей управления ими в руки вновь созданного Монастырского приказа. Обращение к такого рода источникам требует учета исторического контекста их появления: описание само по себе, безусловно, не означало еще формальной секуляризации церковно-монастырских владений и имуществ, но – ретроспективно – оказалось ее условием и инструментом. Исследование показало, что описание охватывает нижегородскую часть вотчин Амвросиева Дудина монастыря полностью; сознательных фальсификаций в источнике не выявлено. Удалось проследить изменения в характере сельского расселения в монастырских владениях, произошедшие в период между дозором Василия Борисова и Третьяка Образцова (1587/1588 г.), писцовыми книгами 1620-х гг. и описанием начала XVIII в. Дается характеристика основных отраслей монастырского хозяйства накануне первой попытки секуляризации при Петре I. Особое внимание уделено рентным отношениям в монастырской деревне, роли крестьянской общины в качестве необходимого компонента вотчинной системы управления, механизмам поддержания тягоспособности монастырских крестьян. Автор рассматривает описные книги Дудина монастыря не только как источник, характеризующий определенный этап развития конкретного вотчинного хозяйства, но и как значимую часть своеобразного информационного «среза» 1701–1702 гг., позволяющего проводить корректное сопоставление данных по целому ряду духовных корпораций. Целесообразность такого комплексного анализа в его региональном аспекте подтвердили результаты изучения динамики численности зависимого населения в монастырских вотчинах на территории Нижегородского края, сравнения тенденций развития монастырского домена в период между писцовыми книгами 1620-х гг. и описанием начала XVIII в.

Annotation: The article analyzes the results in the development of landownership and farming of one of the oldest Nizhegorodsky monasteries, from its economic description of 1701–1702 recorded by stolnik P. B. Velyaminov during the Russia-wide census of monastic properties. This census was instigated after the transfer of monastic property governance to the established Monastic Department (Monastyrski Prikaz). The use of such sources requires close attention to the historical context of their creation: the description itself, of course, does not yet imply the secularization of church-monastery possessions and properties, but it did later become the premise and the instrument of this process. This research shows that the description fully covers the Nizhegorodsky part of the Amvrosiev Dudin Monastery estates, without any deliberate falsification. Thus it has been possible to trace the changes of the settlement patterns on these monastic properties in the period between the “dozor” (emergency description) of Vasily Borisov and Tretyak Obratsov (1587/1588 г.), the cadastral books of the 1620s and the anagraph from the beginning of the 18th century. The author describes the main branches of the monastery’s farming activity on the eve of the first secularization attempt by Peter I. Particular attention is devoted to the rent relations within the village of the monastery, to the role of the peasant community as a crucial component in the votchina system of management, and to the mechanism of upholding the taxability of the monastery’s peasants. The author views the census lists of the Dudin Monastery not only as a source documenting an evolution stage of a particular estate economy, but also as a significant contribution to the 1701–1702 “information section”, which allows to make an accurate data comparison with a number of other ecclesiastical corporations. The applied aspect of this comprehensive regional analysis

has allowed to confirm the study results on the quantitative dynamics of the dependent population in monastery estates on the territory of the Nizhegorodskiy province, and supports the comparisons with the development tendencies of other monastic domains in the period between the cadastral books of the 1620s and the description of the beginning of the 18th century.

Ключевые слова: церковно-монастырская корпорация, монастырь, община, крестьяне, хозяйство, вотчина, землевладение, история, Амвросиев Дудин монастырь, Нижегородский уезд.

Key words: church-monastery corporation, monastery, community, peasants, farming, estate, landownership, history, Amvrosiev Dudin monastery, Nizhegorodskiy district.

В последние десятилетия в отечественной историографии все более заметной становится тенденция расширения исследований по истории церковно-монастырского землевладения за счет введения в научный оборот новых источников из архивов средних и мелких монастырей. К числу последних может быть отнесен и Амвросиев Николаевский Дудин монастырь, одна из древнейших нижегородских обителей, землевладение и хозяйство которого ранее не становились объектом специального научного исследования, хотя его акты¹ неоднократно привлекали внимание историков², использовались в краеведческой и историко-церковной литературе³.

¹ См.: Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. I. № 66. С. 128–133; Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. № XII. С. 220–236; Кабанов А. К. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Грамоты Коллегии Экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам. Ч. 1. (1498–1613 г.) // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. Т. XIV. Н. Новгород, 1913; Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1961. Ч. 3. С. 73–74; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (конец XIV – начало XVI в.). М., 1964. Т. 3. № 298–302; Антонов А. В. Правая грамота 1555 года из архива Нижегородского Дудина монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 159–167; Он же. Правая грамота 1555 года из архива Нижегородского Дудина монастыря // Историко-археографические исследования: Россия XV – начала XVII века. М., 2013. С. 188–208.

² См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. II. М., 1951. С. 45; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 93, 100, 111, 183; Грибов Н. Н., Цепкин Е. А. Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в средние века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических статей. Н. Новгород, 2004. С. 71–95; Чеченков П. В. Нижегородский край в конце XV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Н. Новгород, 2004. С. 23, 26, 36; и др.

³ См.: Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей Нижегородской губернии // Записки Императорского археологического общества. Т. X. СПб., 1857. С. 239–258; Он же. Памятники церковных древностей Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1999. С. 423–436; Филатов Н. Ф. Веси Нижегородского края: Очерки истории сел и деревень Поволжья. Н. Новгород, 1999. С. 20–27; Пчелин Н. А. Домовая обитель патриарха: тайны Дудина Николая Чудотворца Амвросиева монастыря. Н. Новгород, 2002; Дёгтева О. В. Амвросиев Нико-

лаевский Дудин монастырь и его владений, проводившееся в рамках общероссийской переписи церковных имений в связи с передачей в 1701 г. управления ими в руки вновь созданного Монастырского приказа, не вошло в перечни, опубликованные И. А. Булыгиным⁴. Документ сохранился в составе конволюта аналогичных описей патриарших владений. Рукопись в 1⁰, филиграни «Герб Амстердама» и «Голова шута» (оба типа – в нескольких вариантах)⁵. Наличие скреп по листам и соответствующих рукоприкладств в конце завершенных частей, пометы о предоставлении описи в Монастырский приказ свидетельствуют, что это подлинник. Амвросиев Дудин монастырь и его владения в Нижегородском у. описывал стольник Петр Борисович Вельяминов. Описание монастыря началось 12 ноября 1701 г. К переписи вотчин приступили 20 апреля 1702 г., время ее окончания позволяет установить помета, сделанная при поступлении рукописи в Монастырский приказ: «1702 мая в 2 день поданы с отписью»⁶.

Анализ преамбул известных описей нижегородских монастырей и их вотчин свидетельствует, что при явно общем протографе – в качестве такового, вероятно, выступал наказ из Монастырского приказа «за приписью дьяка Герасима Потопиева» – текст их достаточно ин-

лаевский Дудин монастырь // Нижегородская старина. Краеведческо-историческое издание. 2007. № 13. С. 32–41; Она же. Амвросиев Николаевский Дудин монастырь. Н. Новгород, 2008; Маштафаров А. В., Кочетов Д. Б. Дудин Амвросиев во имя святителя Николая Чудотворца мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. XVI. М., 2008. С. 319–321.

⁴ Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 311–325. Данные, извлеченные из описания Дудина монастыря, ранее были использованы: Антонов А. В., Маштафаров А. В. Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV – начала XVII веков // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 417, 445–456; Соколова Н. В. Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII века: опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвуз. тематич. сб. науч. тр. Калининград, 2008. С. 44–60.

⁵ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 71–359.

⁶ Там же. Л. 285.

дивидуален. В преамбуле описных книг вотчин Амвросиева Дудина монастыря в концентрированном виде изложена не столько даже программа, сколько реальная процедура конкретного описания, отражено фактическое содержание рукописи: «А о крестьянских и о бобыльских дворах взяв скаску вотчины того Дудина монастыря деревни Польца з деревнями у старосты у Дмитрея Мясникова с товарищи и по той их скаске служни и служебниковы и крестьянския и бобыльския дворы пересмотрил и во дворах людей поимяном с отцы и с прозвищи переписать велел же... и что в тех вышеписанных деревнях и в селе Троицком крестьянских и бобыльских дворов налицо, и что в тех деревнях и в селе Троицком крестьянских и бобыльских дворов прибыло и что убыло, и что они крестьяня монастырской пашни пашут и оброчных денег и всяких доходов платят и монастырской работы работают, и что тех деревень и села Троицкого бобыли оброчных денег платят, и то писано в сих книгах ниже сего»⁷.

При описании самого монастыря писцы использовали представленные им описи имущества, книг и грамот, хранящихся в казенной палате, приходно-расходные книги, дополняя их «сказками» монахов о произошедших с момента составления этих документов изменениях: «И в том монастыре взяв у игумена Нектария да у казначея старца Герасима церковной утвари и монастырской всякой казне и заводам переписные книги 190 и 204 и 1700 годов и приходные и расходные книги з 203 году и по тем книгам в том монастыре в церквах божих ... святых иконы окладные и неокладные и церковные сосуды и книги и всякую церковную утварь, а в ризнице священные одежды, а в монастырской казне денги и серебряную и оловянную и медную посуду и всякую монастырскую казну и жалованные грамоты и вкладные и иные всякие вотчинные крепости и зделочные записи запечатал, и из-за печати по тем же книгам пересмотрил». Затем следует краткое изложение дальнейших действий переписчика: «И всякого ржаного и ярового хлеба, и всякого заводу, и братью и слуг и подьячих и служебников и всякого чину мастеровых людей пересмотрил же и переписал велел»⁸.

Источником, существенно дополняющим описи в части характеристики монастырского хозяйства, являются «Книги умолотные Нико-

лаевского Амвросиева Дудина монастыря», датированные 30 января 1702 г. Преамбула свидетельствует, что они возникли в ходе того же описания: «Лета 1702-го генваря в 13 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и по грамоте из Монастырского приказу за приписью дьяка Герасима Потопиева велено стольнику Петру Борисовичу Вельяминову взять ведомости в доме преосвященного Исаия митрополита Нижегородского и Алатарского за дьячьими приписми, а в монастырях за властелинскими руками, что в вотчинах их в селах и в деревнях в прошлом 1701-м году всякого хлеба жжато копен и почему ис копны в умолоте, и те ведомости в тетратех прислать к великому государю к Москве в Монастырский приказ»⁹.

Обращение к такого рода документам как описные книги 1701–1702 гг. требует учета исторического контекста их появления. Описание само по себе, безусловно, не означало еще формальной секуляризации церковно-монастырских владений и имуществ, но – ретроспективно – оказалось ее условием и одним из инструментов. Исследование показало, что книги П. Б. Вельяминова охватывают нижегородскую часть вотчин Дудина монастыря исчерпывающе; сознательных фальсификаций в источнике не выявлено.

* * *

Первые великокняжеские пожалования Амвросиеву Дудину монастырю представляли собой промысловые угодья – располагавшиеся в непосредственной близости от него рыбные ловли в Оке и ее левом притоке р. Кляпоборице, Коршевский и Кляпоборский бортный ухажей (с 1484/1485 г.)¹⁰. Картографирование по материалам Генерального межевания показало, что историческое ядро вотчинного землевладения монастыря сформировалось именно на территории бортного ухажея. Согласно челобитью властей Дудина монастыря, изложенному в жалованной грамоте от 25 апреля 1560 г., «у них на монастырской земле на леси стало десять деревень, да пять починков»¹¹. Первый полный перечень деревень и починков в вотчине Дудина монастыря выявлен в «Книгах письма и меры

⁹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6285. Л. 1–5.

¹⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 3. № 298–301. См. также: Антонов А. В., Маштафаров А. В. Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV – начала XVII веков. С. 445–446.

¹¹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 5. Д. 8184. Л. 44 об., 45.

⁷ Там же. Л. 285 об.

⁸ Там же. Л. 72, 362.

Нижегородского уезда писца Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова»¹², которые в качестве приправочной документации пользовались копией «за приписью дьяка Ондreja Варева»¹³ 130-го году с книг Василия Борисова да подьячего Третьяка Обрамова 96 году»¹⁴. Рост числа поселений в вотчине к 1587/1588 г. (17 деревень, 2 починка), их территориальное размещение, сам факт существования починков свидетельствуют о продолжавшемся процессе земледельческого освоения территории бортного ужожа.

Наиболее существенные изменения в составе нижегородских владений Амвросиева Дудина монастыря в период между дозором 1587/1588 г. и описанием 1701–1702 гг. были связаны, прежде всего, с перераспределением земельных владений внутри самой церковно-монастырской корпорации в рамках института приписных монастырей. Как представляется, правомерен вывод об устойчивости системы расселения в «старых» вотчинах монастыря на протяжении XVII в., преобладающей формой которого – при выраженной тенденции к укрупнению поселений – оставалась деревня. На момент описания 1701–1702 гг. нижегородские владения монастыря включали подмонастырскую слободу, 15 деревень и жеребей в селе Троицком, в которых насчитывалось 436 дворов (1454 д. м. п.)¹⁵. Мир-

ской староста Дмитрий Дмитриев сын Мясников объяснял появление новых в сравнении с переписными книгами 1678 г. крестьянских дворов семейными разделами («разделились ис тех же крестьянских дворов от семей», «разделились ис тех же крестьянских дворов сын от отца, брат от брата») ¹⁶.

Хозяйство Амвросиева Дудина монастыря, как и многих ему подобных, носило выраженный потребительский характер, было ориентировано прежде всего на обеспечение существования самого монастыря. Количество монахов соответствовало возможностям извлечения прибавочного продукта, и, хотя и опосредованно, – коррелировало с количеством зависимого населения в монастырских вотчинах. На рубеже XVII–XVIII вв. в Дудине монастыре было 35 монахов. Во главе церковно-монашеской корпорации стояли игумен Нектарий и казначей старец Герасим. Управление монастырским хозяйством представляло собой архаичную, хотя и хорошо отлаженную систему, функционировавшую на основе традиционного распределения обязанностей. В вотчине использовался труд как вотчинных крестьян и бобылей, так и слуг, служебников, самих монашествующих.

Существовали монахи-специалисты в различных сферах хозяйственной деятельности; другие же выполняли то или иное послушание, время от времени меняя их. В описи 1701–1702 гг. перечислены монахи «просвирянной», «конюшей», «житенной», «хлебной большой», «воротной», «мукосей», два «выгчика», два «чашника», «рыбак монах Иосиф». Послушание несли не только в монастыре, но и в хозяйственных службах: «на ватажном дворе у рыбной ловли» записаны монахи Палладий и Савватий, на скотном дворе – монахи Езекий и Иаков. В вотчины посылались «посельские старцы»: «На посельстве в деревне Чернцове монах Никонур, другой монах Серапион. В деревне Жолнине монах Серапион»¹⁷.

Отсутствие необходимой квалификации у монастырских насельников и недостаток рабочей силы восполнялись за счет привлечения слуг и служебников, профессиональных ремесленников, конюхов и коновалов, бобылей в качестве монастырских скотников. Так, в 1701 г. в монастыре были переписаны: подьячий, шесть слуг, семь конюхов, два повара, два «поваренных» и один «хлебный» работник, часовой

¹² О писцовых книгах Нижегородского у. 1620-х гг. см.: Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования. М., 1986. С. 156–160; Соколова Н. В. Писцовые книги XVII в. как источник по истории монастырского землевладения в Нижегородском крае (к вопросу о достоверности данных) // Массовые источники отечественной истории: Материалы X Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв.: Проблемы изучения и издания». Архангельск, 1999. С. 225–233.

¹³ Андрей Варев – дьяк Поместного приказа с 3 января 1621 г. по июнь 1622 г. (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 79–80.)

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293 (II). Л. 938–939.

¹⁵ Явным недоразумением является утверждение, что в 1700 г. в вотчине Дудина монастыря было 320 дворов и 1205 д.м.п. (Маштафаров А. В., Кочетов Д. Б. Дудин Амвросиев во имя святителя Николая Чудотворца мужской монастырь. С. 319–321). Сведения сказок, собиравшихся в связи с объявленным в 1699 г. набором даточных людей, применительно к вотчине Дудина монастыря, явно восходят к переписным книгам 1678 г. Сравним с текстом из документа 1710 г.: «Нижегородского уезду Николаевской Обросимов Дудин монастырь. За оным монастырем по переписной 186 году книге вотчин. Того ж уезду подмонастырская деревня Каликина з деревнями, в них по переписным книгам 186 году 320 дворов, 1205 д. м. п., ныне – 1093». (РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 157. Л. 65.) См. также: Горчаков М. И. О земельных владениях Всероссийских митрополитов, Патриархов и Св. Синода. 998–1738 гг. СПб., 1871. Приложение. С. 98, 224.

¹⁶ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 305, 338.

¹⁷ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 240–241 об.

мастер и «воротный» сторож. Большинство из них жили вблизи монастыря – в Тетерюгинской слободе и д. Подьяблонное. Монастырский подьячий Василий Иванов сын Попов получал ежегодное содержание, которое состояло из денежной выплаты (2 рубля в год) и натуральной хлебной дачи (6 четв. ржи, по 2 четв. пшеницы, овса и ячменя). Различия в размере жалования слуг и конюхов, надо думать, являются отражением реально существовавшей их иерархии.

Важнейшей отраслью монастырского хозяйства являлось земледелие. Согласно писцовой книге 1620-х гг., основная часть владельческой запашки располагалась при монастыре («пашут на монастырь пашни паханые 80 четв да перелогом 68 четв и обоего пашни и перелогом 148 четв в поле, а в дву потому ж. Земля добра»). Монастырские поля были также в Чернцове (20 четв.), в Кишемской (25 четв.) и в Троицком (15 четв.). Подводя общие итоги монастырской пашни, писцы используют устойчивую формулу «а пашут детеньши и крестьяня згоном»; детеньши упомянуты и в описании отдельных поселений («двор монастырской, а живут в нем старцы и детеньши для монастырские пашни», «пашни паханые монастырские, а пашут детеньши 15 четв»)¹⁸.

В начале XVIII в. из существовавших в 1620-х гг. сохранилась монастырская запашка в непосредственной близости от монастыря и в д. Чернцове; десятинная пашня появилась на левобережье Оки, в д. Жолнине. Пропорции собранного в 1701 г. в разных вотчинах урожая дают основания полагать, что большая часть владельческой пашни находилась при монастыре¹⁹. В крестьянских сказках, поданных во время проведения описания монастырских вотчин весной 1702 г., зафиксирована полевая барщина: «А монастырской пашни пашут они вышеписанных деревень крестьяня кроме вышеписанных бобылей на выгь по четыре десятины с полудесятиною, итого 81 десятина. ...А в яровом поле пашут и сеют на выгь по четыре ж десятины с полудесятиною»²⁰. Равенство озимого и ярового полей может быть поставлено под сомнение, и, не в последнюю оче-

редь, именно потому, что в источнике речь идет об исчислении крестьянских повинностей. Известно, что четверть века спустя площади трех полей десятинной пашни в вотчине Дудина монастыря различались довольно существенно²¹. Однако те же ведомости середины 1720-х гг. позволяют рассматривать цифру из крестьянских сказок как некое среднее арифметическое для трех полей. При подобном допущении, как показали расчеты, монастырская запашка составляла примерно 116% от уровня 1620-х гг., что сопоставимо с аналогичным показателем, например, Печерского монастыря (123%). Как представляется, чрезвычайно незначительное увеличение площади монастырского домена (при росте числа крестьянских дворов в 2–3 раза) означает отсутствие товарности земледелия на десятинной пашне, сохраняющийся потребительский характер хозяйства обоих монастырей.

Согласно «Книгам умолотным» 1702 г., на подмонастырской пашне высевали рожь, овес, ячмень, пшеницу, горох, гречиху, в деревнях Чернцове и Жолнине – рожь, овес и пшеницу. Норма посева озимой ржи в вотчине Дудина монастыря совпадает с традиционной для данного региона («А на десятину сеют ржи по две четверти»), данные по другим сельскохозяйственным культурам отсутствуют. С монастырских десятин планировали получить («умолоту по смете») 532 четв. ржи, 346 четв. овса, 117 четв. без чк. пшеницы, 120 четв. ячменя, 9 четв. гречихи, 15 четв. гороху. Документ раскрывает алгоритм расчета урожая «по смете»: «Овса ужато двести шездесят копен, а в копне по щету по сту снопов. А на овин садится по десяти копен. А умолоту с овина из десяти копен по десяти четвертей. И всего по смете вышеписанного овса дватцет шесть овинов, а в умолоте будет двести шездесят четвертей». Аналогично считали пшеницу, ячмень, озимую рожь. Расчеты «по смете» урожая гороха, гречихи и пшеницы в д. Жолнине (9 четв.) не потребовались, по-видимому, из-за незначительности полученного урожая²².

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 293 (II). Л. 925 об., 932, 933, 933 об., 935.

¹⁹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6285. Л. 1–5.

²⁰ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 338 об. Наряду с полевой барщиной, обязанностью крестьян были сенокосы, возка дров в монастырь и выполнение других, не регламентированных работ («Да они ж на монастырь дров возят на год с выти по 17 возов, итого 360 возов. Да они ж работают всякую монастырскую работу»). «Всякую монастырскую работу работают» также монастырские бобыли.

²¹ «В тех вотчинах по мере явилось десятинной пашни: в оржаном поле, которое посеяно к 725 году рожью, 97 десятин с полусминником, во втором ржаном 68 десятин с полу и с осминником, в третьем яровом 88 десятин с полу и с осминником: итого 255 десятин без осминника». (Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1880. Т. 4. Приложение. № XIV. Стб. CX–CXI.)

²² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 239, 338 об.; Д. 6285. Л. 2–2 об. В ведомости 1724 г. к перечисленным добавилось «семя конопляное» в малых количествах. (Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего Правительствующего Синода. Стб. CX.)

Отметим, что во всех трех монастырских полях «копна» ржи или овса (из ста снопов) «по смете» давала четверть зерна, а вот из «копны» пшеницы с подмонастырской десятинной пашни получали несколько больше зерна, чем в д. Чернцове: «Пшеницы ужато сто двенадцать копен, а в копне по сту снопов. А на овин садится по осми копен. А умолоту с овина из осми копен по шести четвертей с осминою. И всего по смете пшеницы четырнатцеть овинов, а в умолоте будет девяносто одна четверть»; «Пшеницы ужато дватцать одна копна, а в копне по щету по сту снопов. А на овин садится по семи копен. А умолоту с овина ис семи копен по пяти четвертей по пяти четвериков. И всего пшеницы три овина, а в умолоте будет семнатцать четвертей без четверика»²³. С учетом территориальной близости монастырских вотчин и почвенных характеристик района²⁴, это не может быть объяснено иначе как тщательной обработкой предназначенной под наиболее прихотливую культуру части ярового поля, достаточным ее унавоживанием (лучшие возможности существовали там, где находилась бльшая часть монастырского скота), строгим соблюдением сроков выполнения работ и других агротехнических требований в непосредственной близости от монастыря.

Количество копен/снопов, которое, согласно документу, «на овин садится», отличается не только применительно к различным сельскохозяйственным культурам, но и в разных вотчинах. Например, урожай с подмонастырской пашни считают исходя из того, что на овин приходится 7 копен ржи, 8 копен пшеницы или ячменя, 10 копен овса, а в Чернцове – 6, 7 и 8 копен соответственно. По-видимому, это связано с особенностями сельскохозяйственной инфраструктуры в каждом конкретном случае, возможно, с какими-то характеристиками используемых овинов.

²³ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6285. Л. 2 об., 4. Ошибка в расчетах.

²⁴ «Остальная часть плато, как видно из описания ея рельефа, овражиста и холмиста, на ровных же местах обладает типичными суглинистыми почвами, которые развиты в следующих селениях: ...Ченцово (д. Чернцова источников XVI-XVII вв. – Н. С.), Сляднево, Подсосенье, Швариха, Калинкино (д. Каликина. – Н. С.), Трестяна... Эти суглинистые почвы отличаются крайним однообразием как по цвету, так и по мощности; цвет их серый с каштановым оттенком, содержание гумуса от 2½ до 3½ %, мощность равномерно окрашенного почвенного горизонта 7–8 дюймов; переходный ореховатый слой, толщиной до 8 дюймов, указывает на то, что эти почвы лесного происхождения, что здесь некогда были леса...». (Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. Вып. 8. Нижегородский уезд. СПб., 1885. С. 132–133.)

Описанием зафиксированы необходимые составляющие сельскохозяйственной инфраструктуры – гумно, житницы («Монастырское гумно, а на нем стоячего немолоченого хлеба ржи кладь нынешняго 1701-го году, да восемь житниц. Да на монастыре две житницы»), мельница «о дву поставках» на реке Дубрословке («А по скаске деревни Польца з деревнями старосты Дмитрея Мясникова с товарищи на той мельнице мелют они всякой монастырской запас про монастырской обиход»)²⁵. Отсутствие в описи упоминаний о земледельческих орудиях труда, по-видимому, означает, что работы производились крестьянами своим инвентарем.

В рукописи дана характеристика хозяйственным постройкам на двух монастырских «конюшенных» дворах (три избы, два амбара с погребями, три сарая «конских», «сенница» на одном, а на другом – «за монастырем» – изба, конюшня с сушилами, амбар, два денника»), приведен перечень находившихся там лошадей, в том числе «работных» (три жеребца, 14 мерин, 17 кобыл, три двухлетних жеребенка, три «кобылки»). Монастырский скотный двор представлял собой «скотинной большой сарай в столбах, покрыт соломою, и два омшеника». Монастырское стадо состояло из 19 коров «дойных», 8 «яловых», быка «двух годов», двух телок. Скотник, бобыль Афонка Григорьев, получавший за работу монастырское содержание («на год хлеба ржи 4 четверти с полуосминою, четверть пшеницы с полуосминою, четверть ячменя с полуосминою, четверть овса с полуосминою»), жил (вместе с семьей) тут же. На монастырском дворе в д. Чернцове переписчики обнаружили мерина, 11 жеребчиков и кобылок, пять коров, двух быков, четырех подтелков, 30 овец, 28 «ягненокв молодых». Сенокосы были одной из основных отработанных повинностей монастырских крестьян: «Да они ж крестьяня монастырских лугов косят теми ж вышеписанными вытями 1200 копен»²⁶.

Для собственных потребностей и удовлетворения нужд приезжающих в монастырь, в том числе представителей светских и церковных властей, рядом с монастырем функционировали кузница, «двор солодовенной, что солод растут», пивоварня. Документ содержит косвен-

²⁵ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 239, 322 об. В 1724 г. за эту мельницу «оброку из пуста платят миром». Вероятно, она и раньше использовалась крестьянской общиной не только для помола на монастырь, но и для собственных нужд. (Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего Правительствующего Синода. Стб. СХ.)

²⁶ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 250 об.–255 об., 338 об.

ное подтверждение существования у монастыря соляной варницы в Балахне («важивали они дрова на Балахну на монастырскую соляную варницу»). Упоминания в описи двора «для приезде рыбных ловцов» и монаха «на ватажном дворе у рыбной ловли» свидетельствует о наличии в хозяйстве монастыря рыболовства, однако оценить масштабы собственно монастырского промысла источники не позволяют²⁷.

Очевидно, что в рассматриваемый период Дудин монастырь, как и большинство монастырских корпораций, не мог существовать исключительно в рамках натурального производства. Монастырский денежный бюджет пополнялся за счет ряда оброчных статей, которые перечислены в представленной в декабре 1701 г. сказке: «И мы ныне окладные книги, по чему беретца оброшных денег с крестьян, и з бобылей, и с рыбных ловель, и с перевозу, и с монастырской земли, которая отдается из оброку, написали, и те книги за своими руками подали мы к переписке»²⁸.

Важнейшей составляющей приходной части монастырского бюджета было поступление денежной ренты с крестьян и бобылей. Для крестьян барщинных владений Дудина монастыря денежный оброк представлял собой дополнение к натуральным повинностям, включая и отработанные, возникшее в результате коммутации их части («за драницы, за лубья, за телеги, за сани, за хомуты, за вожжи на год по 10 рублей», «за работников и за дрова, что в прошлых годех важивали они дрова на Балахну на монастырскую соляную варницу, на год по пятидесят по осму рублей по дватцети алтын»). Крестьяне более удаленных от монастыря вотчин (не только нижегородских, но и, например, алатырских) были оброчными. Так, с двух вытей (37 дворов) в с. Троицком и д. Кишемской платили 28 руб. в год («А больши они оброчных денег и никаких податей в монастырскую казну не платят, и прикащичья доходу и поселским монахом ничего не дают, и монастырские пашни не пашут, и сена не косят, и дров не возят, и никакой работы на монастырь не работают»). Оброчные деньги поступали также с бобылей Тетерюгиной слободы, села Троицкого, деревень Подъяблонное, Жолниной, Чернцовой, Слядневой, Польцо («по дватцети по шти рублей по шестнатцети алтын по четыре денги на год»)²⁹.

²⁷ Там же. Л. 339, 262 об.–263.

²⁸ Там же. Л. 264–264 об.

²⁹ Там же. Л. 338 об.–339, 351.

Глухое упоминание о сдаче на оброк монастырской земли присутствует в сказке монастырских властей П. Б. Вельяминову, однако достоверно установленные факты такого рода относятся не к нижегородским, а к владимирским владениям Дудина монастыря (пустоши Тарасова и Язвецова)³⁰. В описных книгах 1701–1702 гг. сообщается о неполученных с вотчинных крестьян («Стенка Шишигин с товарищи») деньгах за оброчные рыбные ловли (10 руб. 10 алт.)³¹. Наконец, еще одной традиционной приходной статьей монастырского бюджета был оброк за перевоз через Оку. Староста Дмитрий Дмитриев сын Мясников, рассказывая о взаимоотношениях крестьян и монастыря, среди прочего отмечал: «Да они ж владеют из оброку перевозом на Оке реке под Николаевским Абросиевым Дудиным монастырем, а оброку платят они в монастырскую казну с того перевозу на год по дватцети рублей». Опись хранившихся в монастыре документов, являющаяся частью описных книг 1701–1702 гг., позволяет проверить эту информацию. В поручной записи бобылей Тетерюгиной слободки Тараса Иванова, Ивана Фадеева, Иева Власова, Семена Иванова «с товарищи» по крестьянину д. Подъяблонное Митке Мохнину и жителям Тетерюгиной слободки Федору Серому с сыном, взявшим перевоз «на Оке под монастырем на оброк на пять лет з 207-го году по двести второй на десять год», указана иная сумма – 21 руб. 6 алт. 4 д.³² Поскольку речь идет об индивидуальной аренде, староста, по-видимому, просто не знал условий обновленного в 1698/1699 г. договора.

В монастырскую казну поступали так называемые «праздничные» («с вышписанных же вытей на год по пяти рублей по дватцети алтын») и «выводные» деньги. Отметим, что сумма «вывода» зависела от того, куда выдавали замуж монастырскую крестьянку: «с помещиковых и вотчинниковых крестьян берут выводу за девку по договору по рублю и по полтине и меньши», а с крестьян расположенной «в межах» с д. Жолниной вотчины Троице-Сергиева монастыря (с. Черное с дер.) – по 4 алт. 2 д. Соответственно, такого рода «неокладные» доходы не учтены в сказке монастырских властей, сообщавших

³⁰ Там же. Л. 200 об., 230 об., 264. В последней четверти XVII в. эти пустоши сдавались в аренду дворцовым крестьянам, использовались для неэквивалентных обменов на земли в Алатырском и Ядринском уездах; на момент описания монастырского хозяйства и крестьян там не было.

³¹ Там же. Л. 265 об.

³² Там же. Л. 232, 339.

П. Б. Вельяминову в декабре 1701 г., что «на монастырских наших вотчинах, розных деревень на крестьянх и на бобылях оброшных денег на нынешней 1701 год по окладу и на прошлые годы из доимки» надлежит взять 265 руб. 29 алт. 3 д.³³ Сопоставление с перечисленными выше суммами различных приходных статей показывает, что недоимки были значительными.

В этом контексте особого внимания заслуживают сведения источника о «бескабальных» ссудах, выдаваемых вотчинным крестьянам с целью сохранения их тяглоспособности. Можно предположить, что именно о такой ссуде речь идет и в документе XVI в., опубликованном Н. П. Лихачевым³⁴. В декабре 1701 г. сумма «заемных бескабальных долгов» на монастырских крестьянах (всего перечислено 12 имен) из деревень Подъяблонное, Чернцовы, Трестяны, Каликины, Шварихи составляла 17 рублей³⁵.

Еще одним важным «компенсационным механизмом» выживания монастырского крестьянина являлась сельская община³⁶. Наиболее раннее упоминание мирских выборных в вотчинах Амвросиева Дудина монастыря относится к концу XVI в.³⁷ В начале XVIII в. нижегородские крестьяне монастыря, включая живших в с. Троицком, д. Кишемской и заокских вотчинах (д. Жолнина и д. Садки), входили в единую всевотчинную общину. Во главе крестьянского мира в момент описания стоял староста Дмитрий Дмитриев сын Мясников. Упоминаний о других представителях мирского выборного аппарата или о земском дьячке в источнике нет. Отсутствием земского, возможно, объясняется неразвитость в общине письменного делопроизводства; по словам крестьян, «приходных и расходных книг никаким зборам и расходам у них нет».

В начале XVIII в. в сельской общине нижегородских вотчин Дудина монастыря продолжал действовать повытный принцип распределения

земли и владельческих повинностей, позволяющий учитывать реальные тяглые возможности крестьянских дворохозяйств. Согласно сказке мирских выборных, «...монастырского тягла под ними крестьяны д. Подъяблонной, д. Пирошкова, д. Трестяны, д. Тредворец, д. Высокого, д. Дубенков, д. Польца, д. Шварихи, д. Сляднева, д. Чернцова, д. Подсосенья, д. Каликина, д. Жолнина, д. Садков осмнатцеть вытей». При расчетах исходили из того, что есть выть в 11 дворов, три выти по 12 дворов, четыре выти по 13 дворов, три выти по 18 дворов, семь вытей по 16 дворов, в с. Троицком и д. Кишемской «одна выть 16 дворов, другая выть 21 двор»³⁸. Следовательно, наиболее распространенным дворовым тяглом являлся, вероятно, полуосмак ($\frac{1}{16}$ выти). Традиционная общинная организация выступала в качестве необходимого компонента вотчинной системы управления при выполнении крестьянами владельческих повинностей, прежде всего, полевой барщины. Организационно-контрольные функции со стороны землевладельца осуществляли, по-видимому, упомянутые в перечне монахов «вытчики».

Состояние монастырской вотчины, зафиксированное в переписи П. Б. Вельяминова, представляет собой своеобразный итог развития землевладения и хозяйства монастыря к моменту первой попытки секуляризации при Петре I. Организация монастырского хозяйства была достаточно архаичной и традиционной. Основной отраслью сельскохозяйственного производства продолжало оставаться земледелие, которое в значительной мере определяло развитие других сфер хозяйства, в частности, скотоводства. Динамика изменения площади десятинной пашни на протяжении XVII в. свидетельствует об отсутствии в вотчинах Дудина монастыря производства товарного хлеба. Монастырское хозяйство в целом по-прежнему имело натурально-потребительский характер. Особый интерес представляют сведения о рентных отношениях в монастырской деревне, роли крестьянской общины в качестве необходимого компонента вотчинной системы управления, механизмах поддержания тяглоспособности монастырских крестьян.

Поскольку описные книги Амвросиева Дудина монастыря являются частью общероссийского описания монастырских владений 1701–1702 гг., следует рассматривать их не толь-

³³ Там же. Л. 265–265 об.

³⁴ Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. С. 226.

³⁵ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 265–265 об.

³⁶ Милов Л. В. Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 421.

³⁷ Староста Семен Микифоров назван среди монастырских крестьян, выступавших в качестве «сторожилцев» на отводе земли 28 июля 1599 г. Сведения о земском дьячке датированы 30 июня и 13 июля 1599 г.: «А отдельные книги писал Семка Никитин сын, Николю чудотворца земский дьячек»; «А отдельные книги писал Семейко Никитин сын, Николю чудотворца земский дьячек список писал». (Анпилов Г. Н. Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). М., 1977. С. 302, 369, 370.)

³⁸ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 338 об.–339.

ко как источник, характеризующий определенный этап развития конкретного вотчинного хозяйства, но и как значимую часть своеобразного информационного «среза», позволяющего проводить корректное сопоставление данных по целому ряду духовных корпораций. Целесообразность такого комплексного анализа в его региональном аспекте подтвердили результаты

исследования изменений в характере сельского расселения, изучения динамики численности зависимого населения в вотчинах крупнейших нижегородских монастырей, сравнения тенденций развития монастырского домена на территории Нижегородского края в период между писцовыми книгами 1620-х гг. и описанием начала XVIII в.

Библиография:

1. Антонов А. В., Маштафаров А. В. Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV – начала XVII веков // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 417, 445–456.
2. Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977.
3. Горская Н. А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006.
4. Дёгтева О. В. Амвросиев Николаевский Дудин монастырь. Н. Новгород: Изд-во Вознесенского Печерского мужского монастыря, 2008.
5. Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей Нижегородской губернии // Записки Императорского археологического общества. Т. X. СПб., 1857. С. 239–258.
6. Маштафаров А. В., Кочетов Д. Б. Дудин Амвросиев во имя святителя Николая Чудотворца мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. XVI. М., 2008. С. 319–321.
7. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
8. Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования. М., 1986.
9. Соколова Н. В. Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII века: опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвуз. тематич. сб. науч. тр. Калининград, 2008. С. 44–60.
10. Соколова Н. В. Писцовые книги XVII в. как источник по истории монастырского землевладения в Нижегородском крае (к вопросу о достоверности данных) // Массовые источники отечественной истории: Материалы X Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв.: Проблемы изучения и издания». Архангельск, 1999. С. 225–233.
11. Филатов Н. Ф. Веси Нижегородского края: Очерки истории сел и деревень Поволжья. Н. Новгород, 1999. С. 20–27.

References:

1. Antonov A. V., Mashtafarov A. V. Votchinnye arkhivy nizhegorodskikh dukhovnykh korporatsii kontsa XIV – nachala XVII vekov // Russkii diplomatarii. Vyp. 7. M., 2001. S. 417, 445–456.
2. Bulygin I. A. Monastyrskie krest'yane Rossii v pervoi chetverti XVIII v. M., 1977.
3. Gorskaya N. A. Russkaya feodal'naya derevnya v istoriografii XX veka. M., 2006.
4. Degteva O. V. Amvrosiev Nikolaevskii Dudin monastyr'. N. Novgorod: Izd-vo Voznesenskogo Pecherskogo muzhskogo monastyrya, 2008.
5. Makarii, arkhimandrit. Pamyatniki tserkovnykh drevnostei Nizhegorodskoi gubernii // Zapiski Imperatorskogo arkhеologicheskogo obshchestva. T. X. SPb., 1857. S. 239–258.
6. Mashtafarov A. V., Kochetov D. B. Dudin Amvrosiev vo imya svyatitelya Nikolaya Chudotvortsya muzhskoi monastyr' // Pravoslavnaya entsiklopediya. T. XVI. M., 2008. S. 319–321.
7. Milov L. V. Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsesssa. M., 1998.
8. Milov L. V., Bulgakov M. B., Garskova I. M. Tendentsii agrarnogo razvitiya Rossii pervoi poloviny XVII stoletiya. Istoriografiya, komp'yuter, metody issledovaniya. M., 1986.
9. Sokolova N. V. Opisanie tserkovno-monastyrskikh vladenii v protsesse sekulyarizatsii nachala XVIII veka: opyt rekonstruktsii (na materialakh Nizhegorodskogo uezda) // Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii: Mezhvuz. tematich. sb. nauch. tr. Kaliningrad, 2008. S. 44–60.
10. Sokolova N. V. Pistsovye knigi XVII v. kak istochnik po istorii monastyrskogo zemlevladieniya v Nizhegorodskom krae (k voprosu o dostovernosti dannykh) // Massovye istochniki otechestvennoi istorii: Materialy X Vserossiiskoi konferentsii «Pistsovye knigi i drugie massovye istochniki XVI–XX vv.: Problemy izucheniya i izdaniya». Arkhangel'sk, 1999. S. 225–233.
11. Filatov N. F. Vesi Nizhegorodskogo kraja: Ocherki istorii sel i dereven' Povolzh'ya. N. Novgorod, 1999. S. 20–27.